бы остановить событийное время, напомнив читателям о существовании непреходящих нравственных ценностей, дав им перед самым концом повествования твердый нравственный ориентир. Подобно тому, как случайная встреча с «блондинкой» пробудила в Чичикове неожиданное чувство, встреча с героями притчи, выглянувшими в конце поэмы «нежданно, как из окошка» [1, т. 5, с. 353], должна побудить читателей к столь же неожиданным для них душевным движениям: самоуглублению, постижению сути изображенных характеров и обстоятельств, а в конечном счете, этического пафоса автора. Здесь читательская установка принципиально корректировалась, как бы переводилась на иной, скрытый до того от «недумающих глаз» читателей этический уровень, переключалась в иной этический регистр. В этом плане сюжетную функцию притчи можно определить как «случай», нарушивший читательские ожидания, как событие рассказывания, которое потому и является «событием», что помогает автору установить чрезвычайно существенный внутренний контакт с аудиторией, обратиться к ней с сокровенным словом.

4

Незнание человеком себя, своих задатков и возможностей, непроницательность во всем, что касается причин собственных поступков, снисходительное и нетребовательное отношение к себе — это один из важнейших и постоянных мотивов авторских размышлений, приводящих к самым широким обобщениям этического характера. «Все мы имеем маленькую слабость немножко пощадить себя» [1, т. 5, с. 251]; «И оказалось ясно, какого рода созданье человек: мудр, умен и толков он бывает во всем, что касается других, а не себя» [1, т. 5, с. 300]; «...но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки» [1, т. 5, с. 302] — вот несколько примеров подобных обобщений, отразивших авторский взгляд на человека (если угодно, авторскую «философию человека»).

Притча о Мокии Кифовиче и его отце — существенное звено в этой цепи, обобщение, развернутое в образно-символическую картину, в то время как приведенные выше суждения автора по форме не что иное, как своего рода свернутые притчи. Можно заметить, что там, где заходит речь о характере и привычках человека, особенно о его нравственной неразборчивости и заблуждениях, автор предпочитает говорить с читателем языком притчи[3]. Жанр притчи оказывается для автора как средством общения, так и знаком ситуации, требующей постановки этической задачи или вопроса.

Существенно, что языком притчи автор пользуется для общения не с духовно близкими ему читателями, а с теми, кто далек от нравственного идеала, лишен нравственного ориентира. Ибо они-то и нуждаются больше всего в упреке и наставлении. Так реализуется в поэме традиция обращения к притче в древней литературе. Автор обращается к «грешникам», пытаясь направить их на путь истинный, побуждая задуматься над ответом на так часто повторяющийся «во всемирной летописи человечества» вопрос: «Где выход, где дорога?» [1, т. 5, с. 302]. В этом смысле сюжет поэмы предстает как многозначительное нравственное ориентирование читателей, о душевных нуждах каждого из которых помнит и заботится автор.

Автор стремится потрясти нравственно *каждого* из читателей, ставя его перед необходимостью этического выбора. Отсюда понятнее становится цель использования им языка притчи с ее обобщенно-нравственным содержанием и этической задачей, требующей от читателя самостоятельного

[3] Ср. рассказы автора о «правителе канцелярии» [1, т. 5, с. 70], о «людях, имеющих страстишку нагадить ближнему» [1, т. 5, с. 101], о «наших ученых рассуждениях» [1, т. 5, с. 269], о «человеческих страстях» [1, т. 5, с. 348—349], о помещике и приказчике [1, т. 5, с. 350] и др.